

О тождестве личности

Фрагмент из сочинений Томаса Рида

Перевел Дмитрий Еремин

Иллюстрация Маус

Фрагмент представляет собой главы IV и VI из третьей части (третьего «опыта») сочинения Т. Рида «Опыты об интеллектуальных способностях человека» (1785). Перевод выполнен Д.П. Ерёминым по изданию Reid T. (Author), Hamilton W., Stewart D. (Eds.) *The Works of Thomas Reid, now fully collected, with selections of his unpublished letters; 3rd edition. Edinburgh: Maclachlan and Stewart; London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1852.* Все концевые примечания авторства У. Гамильтона взяты из того же издания (кроме двух специально оговоренных случаев примечаний Дж. Уокера, редактора сокращенного издания Reid T. (Author), Walker J. (Ed.) *Essays on the Intellectual Powers of Man (Abridged). With Notes and Illustrations from Sir William Hamilton and Others. Third edition. Cambridge: John Bartlett, 1852.* Переводчик выражает благодарность редакторам текста — Артёму Беседину и Александру Мишуре.

Дмитрий Ерёмин

Опыт III: «О памяти». Глава IV. О тождестве.

Для укрепления убежденности, которая есть у каждого человека относительно своего тождества, насколько простирается в прошлое его память, не нужна помощь философии; и не бывает такой философии, которая могла бы ослабить ее так, чтобы сначала не вызвать некоторую степень безумия.

Философ, однако, может правильно рассматривать эту убежденность в качестве феномена человеческой природы, заслуживающего его внимания. Если он сможет обнаружить ее причину, то пополнится запас его знаний; если нет, то она должна считаться частью нашего изначального строения или следствием этого строения, порожденным неизвестным нам способом.

Мы можем заметить, прежде всего, что эта убежденность обязательно необходима при всяком применении разума. Операции разума, совершаемые во время действий или же при размышлениях, состоят из следующих друг за другом частей. Антецедент — это основа консеквента, и в любом размышлении и в замысле любого действия у меня не было бы причины для перехода к консеквенту, если бы не было убежденности, что этот антецедент был усмотрен или сделан мною.

Памяти о прошлом не может быть без убежденности в том, что мы существовали в то время, о котором помним. Могут иметься хорошие аргументы, которые убедят меня в том, что я существовал до самой ранней вещи, которую я могу вспомнить; но предположение о том, что моя память достигает более ранних мгновений в прошлом, чем моя вера или убежденность в моем существовании, является противоречием.

В миг, когда человек теряет эту убежденность, как будто он испил воды из Леты, с его прошлым будет покончено; и, по его собственному мнению, тогда он начинает существовать. Что бы он ни думал, или говорил, или делал, или претерпевал до этого промежутка времени — это может принадлежать кому-нибудь другому; но он никогда не сможет приписать это себе или предпринять следующий шаг, который предполагает,

что данный шаг является его действием.

Отсюда очевидно, что мы должны обладать убежденностью в нашем собственном непрерывном существовании и тождестве постольку, поскольку мы способны о чем-то мыслить и что-то делать, опираясь на то, что мы мыслили, делали или претерпевали прежде; то есть постольку мы разумные создания.

Чтобы мы сумели сформировать такое отчетливое понятие об этом феномене человеческого ума, на какое только способны, нам нужно рассмотреть, что подразумевается под тождеством вообще, что — под тождеством нашей собственной личности, и как мы пришли к той непреодолимой уверенности и убежденности, которая есть у каждого человека относительно тождества его личности, насколько простирается в прошлое его память.

За тождество вообще я возьму отношение между вещью, о которой известно, что она существует в одно время, и вещью, о которой известно, что она существовала в другое время[1]. Если вы спросите, являются ли эти две вещи одной и той же вещью или двумя разными, всякий здравомыслящий человек вполне поймет значение вашего вопроса. Откуда мы можем с достоверностью заключить, что у всякого здравомыслящего человека есть ясное и четкое понятие о тождестве.

Если вы спросите об определении тождества, я признаю, что не могу дать никакого определения; это слишком простое понятие, не допускающее логического определения: я могу сказать, что это отношение, но не могу найти слов, чтобы выразить особое различие между этим и иными отношениями, хотя мне и не угрожает опасность спутать его с любым другим. Я могу сказать, что различие — это противоположное ему отношение, а сходство и несходство — еще одна пара противоположных отношений, которые любой человек легко отличает в своем представлении от тождества и различия.

Я вижу ясно, что тождество предполагает непрерывную продолжительность существования. То, что перестало существовать, не может быть тем же, что впоследствии начало существовать; ибо это предполагало бы нечто существующее после того, как перестало

существовать, и существовавшее до того, как было порождено, а в этом есть очевидные противоречия. В тождестве, следовательно, необходимо подразумевается продолжающееся непрерывное существование.

Отсюда мы можем заключить, что понятие тождества в присутствии ему собственном смысле не может применяться к нашим страданиям, нашим удовольствиям, нашим мыслям или любой другой операции нашего ума. Боль, которую я чувствую сегодня, — это не та же конкретная боль, которую я чувствовал вчера, несмотря на то, что они могут быть похожи по своему роду и степени и иметь одинаковую причину. То же самое можно сказать о всяком ощущении и о всякой операции ума. Все они по самой их природе находятся в последовательности, подобно самому времени, два любых мгновения которого не могут быть одним и тем же мгновением.

Иначе с частями абсолютного пространства. Они всегда есть, были и будут одинаковыми. До сих пор, я думаю, в установлении понятия тождества вообще мы действовали на ясном основании.

Возможно, сложнее с точностью выяснить значение слова «личность» [personality]; но в текущей теме это не является необходимым: для нашей цели достаточно заметить, что все человечество помещает свою личность во что-то, что не может быть разделено или состоять из частей. Часть личности — это явная бессмыслица.

Когда человек теряет свое имущество, здоровье, силу, он все еще остается той же личностью и не теряет никаких личностных свойств. С отрезанной ногой или рукой он останется тем же, кем был раньше. Ампутированная конечность не является частью его личности, иначе у нее было бы право на часть его имущества, и она несла бы ответственность за часть его обязательств. Она имела бы право на долю его наград и наказаний, что явно является бессмыслицей. Личность — это нечто неразделимое, что Лейбниц называет *монадой*.

Тождество моей личности, следовательно, предполагает непрерывное существование той неделимой вещи, которую я зову собой [myself]. Каким бы ни была эта

самость [self], она — это нечто, которое думает, и размышляет, и решает, и действует, и претерпевает. Я не мысль, я не действие, я не ощущение; я — это нечто, что думает, и действует, и претерпевает. Мои мысли, и действия, и ощущения изменяются каждый миг; они обладают не продолжающимся, а последовательным существованием; но та *самость*, или «я», которому они принадлежат, постоянна и имеет одинаковое отношение ко всем сменяющимся мыслям, действиям и ощущениям, которые я называю моими.

Таковы понятия, которые у меня есть о тождестве моей личности. Но, наверное, можно сказать, что все это может быть фантазией без связи с реальностью. Откуда вы знаете (какое свидетельство у вас есть), что есть такая постоянная самость, претендующая на все действия, мысли и ощущения, которые вы называете своими?

На это я отвечу, что надлежащее доказательство, которое у меня есть в пользу всего этого, — воспоминание [remembrance]. Я помню, что двадцать лет назад я беседовал с определенным человеком; я помню несколько вещей, которые обсуждались в этой беседе; моя память свидетельствует не только о том, что она происходила, но и о том, что беседовал я, тот, кто сейчас помнит ее. Если я это делал, то я должен был существовать в то время и продолжать существовать с тех пор вплоть до настоящего времени; если та самая личность, которую я называю собой, не была одной из сторон в той беседе, моя память ложна; она дает отчетливое и точное свидетельство о том, что не является истиной. Каждый человек, будучи в своем уме, верит тому, что он четко помнит, и каждая вещь, о которой он помнит, убеждает его, что он существовал в то время, о котором он помнит.

Хотя память дает самое неопровержимое свидетельство о моем существовании как тождественной личности, которая делала такие-то вещи в такое-то время, у меня может быть и другое хорошее доказательство в пользу событий, что случались со мной, о которых я не помню: я знаю, кто носил меня в утробе и кормил грудью, но не помню эти события.

Здесь можно заметить (хотя в этом наблюдении не

было бы необходимости, если бы некоторые великие философы не противоречили ему), что не мое воспоминание о всяком моем действии делает меня той личностью, которая совершила его. Это воспоминание делает меня знающим с уверенностью о том, что я совершил его; но я мог бы совершить его, даже если не помню об этом. Отношение между мной и тем действием, выражаемое словами «я это сделал», было бы таким же, хотя у меня не осталось бы ни малейшего воспоминания о нем. Заявление о том, что мое воспоминание о совершении чего-либо, или — как некоторые предпочитают выражаться — что мое осознание того, что я нечто сделал, делает меня совершившим это, является для меня такой же бессмыслицей, как заявление о том, что моя вера в сотворение мира делает его сотворенным.

Когда мы выносим суждение о тождестве остальных личностей, а не своей, то действуем на иных основаниях и определяем его из многообразия обстоятельств, которые иногда создают крепчайшую уверенность, а иногда оставляют место для сомнения. Тождество личностей часто предоставляет материал для серьезных судебных разбирательств. Но никто в здравом уме никогда не сомневался в собственной тождественности, поскольку люди о ней отчетливо помнят.

Тождество личности — это совершенное тождество: там, где оно реально, оно не допускает степеней; и невозможно, чтобы личность была отчасти той же самой, а отчасти другой; потому что личность — это *монада*, и она не делится на части. Свидетельство в пользу тождества других личностей, а не собственной, действительно допускает любые степени, и отсюда мы приписываем достоверности такого тождества наименьшую степень вероятности. Но тем не менее истинно, что одна и та же личность является полностью одной и той же и не может быть такой частично или только в некоторой степени.

По этой причине я сначала рассмотрел тождество личности как нечто совершенное в своем роде и как естественную меру того, что несовершенно.

Возможно, мы первоначально выводим наше понятие тождества из той естественной убежденности, которая

есть у каждого человека с тех пор, как в нем забрежит разум, относительно его собственного тождества и непрерывного существования. Все операции нашего ума последовательны и не обладают непрерывным существованием. Но у мыслящего существа непрерывное существование есть, и у нас есть непобедимая вера в то, что оно остается тем же самым при всех изменениях в его мыслях и деятельности ума.

Наши суждения о тождестве чувственных объектов, кажется, в значительной степени формируются на тех же основаниях, что и наши суждения о тождестве других личностей, помимо нашей.

Где мы наблюдаем сильное сходство, там мы склонны предполагать тождество, если не появляются причины считать иначе. Два сколь угодно похожих объекта, когда они воспринимаются в одно и то же время, не могут быть одним и тем же объектом; но, если они представлены нашим чувствам в разное время, мы склонны думать, что это один и тот же объект, только из-за их сходства.

Естественный ли это предрассудок или развившийся по какой-нибудь причине, он непременно проявляется в детях с младенчества; а когда мы взрослеем, он в большинстве случаев подтверждается опытом: ведь мы редко обнаруживаем двух представителей одного вида, у которых нет очевидных различий.

Человек призывает вора к ответу, обнаружив у него свою лошадь или часы, только на основании сходства. Когда часовщик клянется, что продал эти часы определенному человеку, его свидетельское показание основано на сходстве. Показания свидетелей о тождестве личности обычно не основываются на каких-либо иных доказательствах.

Таким образом, видимо, доказательство нашего собственного тождества, насколько мы помним, полностью отличается от доказательства тождества других личностей или чувственных объектов. Первое основано на памяти и дает несомненную достоверность. Последнее основано на сходстве и на других обстоятельствах, которые во многих случаях не настолько убедительны, чтобы не оставлять места для сомнения.

Также можно заметить, что тождество чувственных

объектов никогда не совершенно. Все тела, так как они состоят из неисчислимых частей, которые могут быть разъединены по множеству разных причин, претерпевают непрекращающиеся изменения своего содержания, увеличиваясь, уменьшаясь, изменяясь незаметно. Когда такие перемены постепенны, то, поскольку язык не имеет возможности дать разные названия каждому из различных состояний такой изменяющейся вещи, сохраняется то же самое название, и вещь рассматривается в качестве той же самой. Так, мы говорим о старой власти, которая совершала что-нибудь сто лет назад, хотя сейчас нет ни одного живого человека, который имел отношение к этой власти. Мы говорим «дерево» и о посаженном семени, и о том дереве, что в лесу. Военный корабль, у которого последовательно поменяли его якоря, снасти, паруса, мачты, обшивку и шпангоуты, останется тем же самым, пока сохраняет то же самое название.

Следовательно, тождество, которое приписывается телам, естественным ли, искусственным ли, не является совершенным тождеством; это, скорее, нечто, называемое тождеством для удобства речи. Оно допускает сильное изменение предмета при условии, что изменение постепенно; иногда это даже полное изменение. Изменения, которые в обыденном языке совместимы с тождеством, отличаются от тех изменений, которые считаются разрушающими его, и отличаются они не по виду, а по количеству и степени. Тождество не имеет постоянной природы, когда речь идет о телах; и вопросы о тождестве тела очень часто являются вопросами о словах. Однако когда тождество применяется к личностям, оно не может быть двусмысленным, не допускает степеней, большего или меньшего тождества. Это основа всех прав и обязанностей и всякой ответственности; и понятие о нем точно и непреложно.

Глава VI. О подходе г-на Локка к тождеству нашей личности

В длинной главе «О тождестве и различии» г-н Локк сделал много искусных и справедливых наблюдений, но некоторые из них, я думаю, невозможно отстоять.

Я рассмотрю только его мнение о *тождестве* нашей собственной *личности*. Его учение об этом предмете осуждалось епископом Батлером¹ в коротком очерке, добавленном к его «Аналогии», и с его мнением я совершенно согласен.

Тождество, как было отмечено в главе IV этого опыта, предполагает непрерывное существование объекта, которому приписывают тождество, и поэтому оно может применяться только к вещам, которые существуют непрерывно. Пока какое-нибудь существо продолжает существовать, оно остается одним и тем же существом; но два объекта, у которых есть разное начало и разный конец их существования, никак не могут быть одним и тем же. С этим, думаю, г-н Локк согласился бы.

Он замечает — весьма справедливо — что для того, чтобы узнать значение «одной и той же» личности, мы должны рассмотреть, что означает слово *личность*; и он определяет личность как разумное² существо, наделенное разумом [reason] и сознанием, и последнее, как он считает, неотделимо от мышления.

Из этого определения личности должно следовать с необходимостью, что, пока разумное существо продолжает существовать и быть разумным, оно должно быть одной и той же личностью. Заявление о том, что разумное существо — это личность, и что, тем не менее, личность перестает существовать, в то время как разумное существо продолжает, или что личность продолжает существовать, в то время как разумное существо перестает, — это, как я понимаю, явное

1. Рид имеет в виду Джозефа Батлера и его книгу «Аналогия о религии, естественной и открытой, к строению и направлению природы» (Butler J., The Analogy of Religion, Natural and Revealed, to the Constitution and Course of Nature. London: John and Paul Knapton, 1740) — *Примеч. пер.*

2. Словом «разумное» тут я перевожу прилагательное «intelligent», указывающее на обладание способностью разуметь (т. е. «understanding»), или интеллектом. В классическом русском переводе Локка используется слово «мыслящее» (см. Локк Дж. Сочинения в трех томах. Т.1. М.: «Мысль», 1985. С. 387), которое в данном случае мне представляется неточным переводом, т.к. предполагает, что личность является мыслящей всегда, что противоречит как представлению Локка о мышлении, так и теории Локка о личности. — *Примеч. пер.*

противоречие.

Можно было бы подумать, что определение личности полностью выяснило бы природу тождества личности, или то, в чем оно заключается, хотя кроме этого еще остался бы вопрос, как мы приходим к знанию о тождестве нашей личности и уверенности в нем.

Г-н Локк говорит⁵ нам, однако, что «тождество личности, то есть одинаковость рационального существа, заключается только в сознании, и насколько это сознание может быть распространено в прошлое на любое действие или мысль в прошлом, настолько простирается тождество той личности. Так что, каким бы ни было это сознание относительно настоящих или прошлых действий, есть одна и та же личность, которой они принадлежат» [2].

У этого учения есть несколько странных следствий, которые автор осознавал. Например, если одно сознание можно перенести из одного разумного существа в другое — невозможность этого, как он считает, нельзя показать — то два или двадцать разумных существ могут быть одной и той же личностью. И если разумное существо утратит осознание действий, совершенных им, — что, несомненно, возможно — то оно не является личностью, которая совершила те действия; так что одно разумное существо может быть двумя или двадцатью разными личностями, если оно будет столь часто утрачивать осознание своих предшествующих действий.

Есть еще одно следствие этого учения, которое не менее необходимо следует из него, хотя г-н Локк, возможно, не видел его. Оно состоит в том, что человек может быть и в то же время не быть личностью, которая совершила определенное действие.

Предположим, что отважный офицер, которого выпорол за кражу фруктов из сада, когда он был школьни-

ком, захватил вражеское знамя во время своей первой кампании и впоследствии стал генералом; предположим также — а это должно признаваться вероятным — что когда он захватывал это знамя, то осознал, что был выпорот в школе, а когда стал генералом, то осознал, что захватил то знамя, но полностью утратил осознание своей порки.

Из предположенного следует, по учению г-на Локка, что тот, кого выпорол в школе, является той же личностью, которая захватила знамя, и что тот, кто захватил знамя, является той же личностью, которая стала генералом. Откуда следует, если в логике есть хоть что-то истинное, что этот генерал — та же личность, которую выпорол в школе. Но сознание генерала не доходит до его порки; следовательно, согласно учению г-на Локка, он не является той личностью, которую выпорол. Следовательно, тот генерал является и в то же время не является той же самой личностью, которую выпорол в школе [3].

Оставим следствия данного учения для тех, у кого есть свободное время для того, чтобы проследить их; относительно самого учения мы можем заметить:

Во-первых, что г-н Локк приписывает сознанию убежденность в наших прошлых действиях, как будто человек может сейчас осознавать то, что делал двадцать лет назад. Невозможно понять, что это могло бы означать, если только под сознанием не подразумевают память, единственную способность, при помощи которой мы обладаем непосредственным знанием о наших прошлых действиях [4].

Иногда в обыденной речи человек говорит, что он осознает, что делал какую-нибудь вещь, имея в виду, что отчетливо помнит о том, что он ее делал. В простой речи закрепление точных границ между сознанием и памятью излишне. Ранее это было показано в отношении чувств и памяти; и поэтому четкое воспоминание иногда называют чувством, иногда сознанием, никак не беспокоясь о точности.

Но в философии нужно избегать такого, иначе мы станем путать разные способности ума и приписывать одному то, что в действительности принадлежит другому. Если человек может сознавать, что он делал двад-

5. Это пересказ (недословная цитата) главы 27 (начиная с пункта 9) из книги 2 «Опыта о человеческом разумении» Дж. Локка. Перевод этого отрывка выполнен в соответствии с переводом этой книги: Локк Дж. Сочинения в 3-х т. Т.1. Опыт о человеческом разумении. М.: Мысль, 1985. Далее Т. Рид критикует другие положения Локка о тождестве личности и связи сознания с этим тождеством (гл. 27–29 «Опыта...») — *Примеч. пер.*

цать лет или двадцать минут назад, то память вообще не нужна, равно как и нет нужды допускать существование такого рода способности. Способности сознания и памяти в основном различаются тем, что первая из них — это непосредственное знание о настоящем, а вторая — непосредственное знание о прошлом[5].

Если, следовательно, правильно выразить понятие г-на Локка о тождестве личности, то получается, что тождество личности заключается в отчетливом воспоминании [*distinct remembrance*]; ведь даже если говорить в общепринятом смысле, что я осознаю минувшее действие, то это означает не что иное, как то, что я отчетливо помню, что совершил это действие.

Во-вторых, можно заметить, что в этом учении не только сознание смешивается с памятью, но и, что еще более странно, тождество личности смешивается со свидетельством, которое есть у нас о тождестве нашей личности.

Истинно, что мое воспоминание о том, что я сделал нечто, — это мое свидетельство в пользу того, что я — та же личность, которая сделала нечто. И я склонен считать, что г-н Локк имел в виду это. Но говорить, что мое воспоминание о том, что я сделал нечто, или мое сознание делает меня личностью, которая сделала нечто, — по-моему, чересчур вопиющая бессмыслица, чтобы приниматься во внимание всяким человеком, который понимает значение этих слов; ибо тогда памяти или сознанию приписывается странная магическая способность создавать свой объект, хотя этот объект должен существовать до памяти или сознания, которые создали его.

Сознание — это свидетельство одной способности; память — другой способности; и утверждать, что свидетельство является причиной засвидетельствованного, несомненно абсурдно, если есть вообще что-то абсурдное, и это не могло утверждаться г-ном Локком, если только он не спутал свидетельство с тем, о чем оно свидетельствует.

Когда находят украденную лошадь, и хозяин заявляет о своих правах на нее, то судья или очевидцы могут обладать единственным свидетельством в пользу того, что она та же лошадь, которая была в его собствен-

ности, — сходством. Но не будет ли смешно делать из этого вывод, что тождество лошади состоит лишь в сходстве? Единственным свидетельством, которое есть у меня в пользу того, что я — та же личность, которая сделала определенные вещи, является то, что я отчетливо помню, что я их сделал; или, как выражается г-н Локк, я осознаю, что сделал их. Заключать из этого, что тождество личности состоит в сознании, — это аргумент, которым, если бы он имел какую-то силу, можно было бы доказать, что тождество украденной лошади состоит исключительно в сходстве.

В-третьих, не странно ли, что одинаковость или тождество личности должно заключаться в чем-то непрерывно изменяющемся и не остающемся одинаковым даже в течение двух минут?

Наше сознание, наша память и всякая операция ума, тем не менее, все время находится в течении, подобно речной воде или подобно самому времени. Сознание, которым я обладаю в течение этого мгновения, является таким же сознанием, которое у меня было мгновением раньше, не более, чем это мгновение является прошлым мгновением. Тождество может быть подтверждено только относительно вещей, которые имеют продолжительное существование. Сознание и любой вид мысли кратковременны и мимолетны и не обладают продолжительным существованием; и поэтому если тождество личности заключается в сознании, то естественным следствием отсюда будет то, что ни один человек не остается одной и той же личностью в течение любых двух мгновений его жизни; и так как право и справедливость наград и наказаний опираются на тождество личности, ни один человек не сможет нести ответственность за свои действия.

Но хотя я считаю это неизбежным следствием учения г-на Локка касательно тождества личности, и хотя некоторым людям по этой причине его учение может больше нравиться, я отнюдь не приписываю ничего подобного г-ну Локку. Он был слишком хорошим человеком для того, чтобы не отвергать с отвращением такое учение, из которого выводятся эти следствия.

В-четвертых, есть много выражений, применяемых г-ном Локком в обсуждении тождества личности, кото-

рые для меня совершенно непонятны, если только мы не предположим, что он смешивал ту одинаковость или тождество, которое мы приписываем индивиду, с тождеством, которое в обыкновенной речи часто приписывается множеству индивидов одного вида.

Когда мы говорим, что боль и удовольствие, сознание и память являются одинаковыми во всех людях, эта одинаковость может означать только сходство, или одинаковость рода. То, что боль одного человека может быть той же самой индивидуальной болью другого, не менее невозможно, чем если бы один человек был другим; боль, которую я ощущал вчера, может быть болью, которую я ощущаю сегодня, не более, чем вчерашний день может быть сегодняшним; и то же самое можно сказать о всякой операции ума. Один и тот же род или вид операций может происходить в разных людях или в одном человеке в разное время; однако невозможно, чтобы одна индивидуальная операция происходила в разных людях или в одном человеке в разное время.

Следовательно, когда г-н Локк говорит об «одном и том же сознании, непрерывно продолжающемся сквозь последовательность различных содержаний»; когда он говорит о «повторении идеи прошлого действия тем же самым сознанием, которое было у нас сначала» и об «одном и том же сознании, простирающемся на прошлые и будущие действия», эти выражения для меня непостижимы, разве только он имеет в виду не одно индивидуальное сознание, а то сознание, которое похоже, или того же рода.

Если тождество нашей личности заключается в сознании, то, так как это сознание может быть в течение любых двух мгновений одним и тем же не индивидуально, а только быть одного рода, отсюда бы следовало, что мы в течение двух мгновений являемся не одними и теми же индивидуальными личностями, а одним родом личностей.

Поскольку наше сознание иногда прекращает существовать, например, во время глубокого сна, постольку наше тождество личности должно прерываться вместе с ним. Г-н Локк признает, что одно и то же не может иметь два начала существования, так что наше тождество безвозвратно пропадало бы каждый раз, ког-

да мы перестаем думать, пусть даже лишь в течение мгновения[6].

Примечания

[1] Тождество — это отношение между нашими знаниями о вещи, а не между вещами самими по себе. В этом предложении было бы, следовательно, лучше сказать: «отношение между вещью, *известной как существующая* в одно время, и вещью, *известной как существующая* в другое время». — *Примеч. Гамильтона.*

[2] См. «Опыт...», книга II, гл. XXVII – XXIX. Отрывок дан, чтобы передать суть учения Локка, в виде цитаты из текста, но она не дословна. Гораздо раньше Батлер, которому эта заслуга обычно приписывается, напал на учение Локка о тождестве личности и опроверг его. Это было сделано даже самым ранним его критиком, Джоном Сёржантом, чьи слова — так как он автор, полностью неизвестный историкам философии, и его труды крайне редки — я процитирую. Он аргументирует так: «Но обсудим данный пункт. Осознание любого действия, которое у нас есть сейчас или было, есть ничто кроме нашего знания, которое принадлежит нам; и так как мы оба соглашаемся и с тем, что не имеем врожденных знаний, из этого следует, что все и действительные, и унаследованные знания, которые у нас есть, являются приобретенными или случайными для субъекта или знающего. *Для чего человек, или то, что будет знающим, должно получать индивидуальность или личность из иных принципов прежде этого знания, называемого сознанием; и, следовательно, человек будет удерживать свое тождество, или продолжать быть тем же самым человеком, или (что равнозначно) быть той же личностью, до тех пор, пока имеет такие индивидуализирующие принципы.* Каковы те индивидуализирующие принципы, которые составляют этого человека, или этого знающего инди-

видуума, я показал выше. Будет, в таком случае, весьма очевидно, что человек должен быть одним и тем же, прежде чем он сможет узнать или осознать, что он является одним и тем же, и все его (Локка) вымученные изыскания и сумасбродные следствия, которые построены на том предположении, что сознание индивидуализирует личность, не нуждаются в дальнейшем размышлении» — *Solid Philosophy Asserted* (London, 1696), Размышление XIV, параграф 14.

Такое же возражение было также сделано Лейбницем в его критике «Опыта...» Локка. См. «Новые опыты о человеческом разуме», часть II, глава XXVII. Чтобы показать наилучший критический отзыв об учении Локка о тождестве личности, отсылаю читателя к *Cours de Philosophie* М. Кузена, Tome II, Leçon XVIII. — *Примеч. Гамильтона*.

[3] Ср. параграф 565 *Traite des Premieres Veritez* Бюфье (Buffier), который делает похожее критическое замечание. — *Примеч. Гамильтона*.

[4] Локк — это нужно помнить — не показывает, как Рид, сознание в качестве способности, одинаковой с памятью; а под сознанием он, по сути, понимает разнообразные способности в виде множества особых модификаций. — *Примеч. Гамильтона*.

[5] Как уже утверждалось, все *непосредственное* знания о *прошлом* — это противоречие. Это наблюдение я не могу вновь повторять. См. примечание Б. — *Примеч. Гамильтона*.

Мы копируем отрывок, ссылаясь на это примечание, хотя это не более, чем повторение того, что было сказано раньше: «Так как оно не *присутствует в настоящем времени*, непосредственное знание о *прошлом* невозможно. Прошлое познаваемо только опосредованно в и через присутствующее видоизменение, касающееся его, отображающее его в качестве происшедшего. Разговор о непосредственном знании прошлого приводит к противоречию *in adjecto*. Ведь чтобы знать прошлое непосредственно, надо знать его *суть*; а знать *суть* — это знать как *существующее сейчас*. Но прошлое — это как раз отрицание существующего сейчас: само его понятие, следовательно, исключает возможность непосредственного знания о его сущности».

Вероятно, что под непосредственным знанием о прошлом Рид подразумевает «знание, произведенное не посредством подразумеваемого вмешательства чужого объекта, численно отличающегося от существующего и понимаемого умом объекта, а посредством представления прошлого или действительного объекта в уме и через него; другими словами, опосредованное знание в этом соединении обозначается как *не-эгоистическое*, а *непосредственное* знание — как *эгоистическое* представление». — *Примеч. Дж. Уокера, редактора сокращенного издания «The Intellectual Powers of Man»*; Reid T. (Author), Walker J. (Ed.) *Essays on the Intellectual Powers of Man (Abridged). With Notes and Illustrations from Sir William Hamilton and Others. Third edition. Cambridge: John Bartlett, 1852, P. 250.*

[6] В дополнение к уже процитированным и упомянутым трудам на тему личности и тождества личности примите во внимание Bouchitte, *Persistence de la Personnalite apres la Mort*, изданный в *Memoires* отделения Нравственности во Французской Академии, *Recueil des Savants Etrangers*, том II; Broussais, *De l'Irritation*, часть I, гл. V, раздел IV; «Анализ» Милля, гл. XIV, раздел VII; «Интеллектуальную философию» Янга, лекции XLIII, XLIV; Leroux, *De l'Humanite*, Введение. — *Примеч. Дж. Уокера, Op. cit. P. 253.*